

Русские развилки

Почему интеллигент не может быть во власти, а в России приживаются вместо европейских ценностей европейские удобства.

В теории литературы существует «типичский герой в типичских обстоятельствах». А разговор с известным писателем и профессиональным философом Владимиром Кантором — это классическая беседа с классическим либеральным интеллигентом. Из того немногочисленного слоя, который ставит нравственность выше «манчестерской» эффективности, точнее, увязывает одно с другим.

У русской интеллигенции ведь как: одни говорят, что всякие там гайдары с чубайсами продали Россию вместе с ее душой, другие, наоборот, ценят дело и технократизм, не очень-то задумываясь о человеческих трагедиях, сопровождающих тектонические сдвиги в государстве и обществе. А Кантор стоит посередине — пытается разобраться. Одно слово — философ...

Поступок коммуниста Митина

Кантор, этот по-мужички широкоплечий и бородатый, с аристократическим «радийным» баритоном человек, полжизни (причем в буквальном смысле) отработал в журнале, который можно было бы назвать легендарным, если бы сейчас о нем помнили вне узкопрофессиональных философских кругов — «Вопросах философии» («ВФ»). А раньше и тираж издания был «страшно огромен» (больше, чем у иных нынешних ежедневных газет), и авторитет велик. Под его лаконичную — белую с синим логотипом — обложку мечтали попасть многие гуманитарии. Кто этот юный аспирант, вдохновенно шагающий с коряво отпечатанной машинописной рукописью под мышкой по арбатским переулкам — вот прямо сейчас его опубликуют в «Вопросах философии»? Предыдущая статья в ядовито-зеленых «Философских науках», да еще с опечатками, его явно не удовлетворила. Это ваш автор и нынешний собеседник Кантора. Автор помнит какую-то большую комнату, набитую людьми, где с ним присел за общий большой стол доброжелательный, но отчужденно дистанцированный редактор. Помнит и собственный ужас вперемешку с восторгом. Статью, кстати, так и не напечатали... А тот самый Кантор здесь вот так запросто, уже больше трех десятилетий работал, заседал, выпивал, дискутировал. И видел буквально всех — от Владимира Кормера до Мераба Мамардашвили.

Сегодня уже понятна и подводная жизнь редакции, некий Гольфстрим, благодаря которому издание и останется в истории общественной мысли. Существовали не опубликованные, но наговоренные на магнитофонную пленку тексты Мамардашвили. Сотрудники журнала — Александр Зиновьев, Кормер и мой собеседник — писали в стол прозу. Происходили там и комические истории. Например, вот такая: Иван Фролов, либеральный главный редактор «ВФ» (при Горбачеве он станет главредом «Коммуниста», затем — «Правды», членом Политбюро), мечтал вывести из редколлегии одиозного академика Митина, по кличке Мрак Борисович. Рассказывает Владимир Кантор: «Здесь еще один, а то и два характера: М.Б. Митин и Ф.В. Константинов — два академика сталинского призыва. У Митина вышла новая книга, было очевидно, что сам он не пишет. Тот, кто за него писал, тоже далеко не ходил за текстами, кусками беря их из других публикаций. Фролов попросил сотрудников журнала полистать книгу на предмет плагиата. Выяснилось, что вся она составлена из обрывков статей, опубликованных в «ВФ». Собрали расширенное заседание редколлегии. Повестка дня: плагиат академика Митина. Выступают, осуждают, вдруг тоненький голосок Ф.В. Константинова: «Вот о таких-то делах, Марк Борисович, и передают по Би-би-си». По старой привычке «шьет дело» противнику. Ответ Митина не менее кинжальный: «Кроме вас, Федор Васильевич, этого и некому туда передать». Ну и в заключение выступил сам Митин, показав класс «старой школы». Он поднялся и сказал о себе в третьем лице: «Я требую с гневом осудить поступок коммуниста Митина, чтоб другим впредь было неповадно так поступать». В результате Фролову удалось сделать то, что он хотел».

Между «образованщиной» и интеллигенцией

В 1992 году, пока нация адаптировалась к новым рыночным обстоятельствам, Кантор написал радиопьесу «Пистолет», где фактически предсказал приход спецслужб к власти. Точнее, так: пожилой гэбэшник пугает приятеля магнитофонной записью, из которой следует, что вся власть оказалась «в руках православных

патриотов своего Отечества». Шутка: «Актёр один, мой приятель, на пленку смеха ради наговорил. И надо же — все как один верят, что это взаправду. Запуганные вы, ребята, запуганные. А еще интеллигенция, цвет нации! Сами с собой склопничаєте, друг друга подозреваете невесть в чем, разговоры разговариваете, вот и хорошо, вот и дальше в том же духе».

Как и любая характеристика российской интеллигенции, эта тоже оказывается точна и применима в том числе к сегодняшним обстоятельствам. Но Кантор считает необходимым снять вину с интеллигенции «за произвол, породивший беспредел и криминал». (Как когда-то ту же интеллигенцию неизменно обвиняли в подготовке революций.) При этом философ разделяет понятия «образованный класс» и «интеллигенция». Критерий — отношение к ценности свободы. И к власти: «Осталось понятие свободы как ценности — на него ссылаются все. Но образованный класс — понятие очень расширительное: и Ленин, и Гитлер принадлежали к этому слою. Вопрос в том, как определить грань разделения. А просто. Будущие диктаторы тоже говорили о борьбе с плутократией, о свободе и просвещении. Только свободу они искали не для индивида, а для класса, нации и т.п. Но свобода больших групп немыслима. Свободной может быть только личность. Свобода больших масс основана не на свободе, а на произволе. Он рождает диктатора, способного направить произвол в некое русло уничтожения инакомыслящих. Так что без свободы невозможна духовная жизнь, а жизнь образованного общества возможна. И сколько образованных, «образованщины», по слову Солженицына, ушли во власть. Но существенно понять: поскольку в России до сих пор не сложилось правового государства, где политическая деятельность могла бы быть моральной, то человек «интеллигентной профессии», пошедший во власть, перестает быть интеллигентом. Интеллигенция — это не социальная прослойка, это особое духовное состояние, особый тип жизнеповедения».

Хождение во власть

И вот здесь возможно продолжение спора. Если бы партийные интеллектуалы 1960—1980-х годов — Александр Бовин, Георгий Арбатов, Анатолий Черняев и многие другие — не ходили бы во власть в качестве аппаратчиков, советников вождей, директоров академических институтов, редакторов научных журналов, возможно, перестройка не была бы так хорошо подготовлена кадрово и идейно. Если бы во власть не пошли молодые академические экономисты «московско-ленинградской школы», либеральные реформы в России не были бы осуществлены даже в таком паллиативном варианте, как в 1990-е годы. Если бы сегодня на ответственных финансово-экономических постах не работали люди уровня Алексея Кудрина, Аркадия Дворковича, Сергея Игнатьева, российская экономика давно бы уже была целиком и полностью в руках чекистов-бизнесменов. Да и все реформы в России, предполагавшие либерализацию экономики и демократизацию политики, начинались исключительно сверху — хрущевская оттепель, косыгинская «либерманизация», как ее тогда называли по имени экономиста Евсея Либермана, горбачевская перестройка, ельцинская буржуазная революция и либеральная экономическая реформа. Эти начинания в большей или меньшей степени были поддержаны снизу, но лишь в ответ на сигнал сверху. Хотя и сигнал сверху формировался благодаря тому, что кто-то из небожителей хотя бы начинал — по наущению советников — прислушиваться к настроениям внизу.

«Начну с того, что попытаюсь разделить типы интеллигентов, уходивших во власть, — возражает Кантор. — Характерны имена, приводимые в качестве положительного примера. Согласен с их оценкой. Дело в том, что власть слушала и слушает только экономистов, только экономисты (от Гайдара до Грефа) могли делать и доньше делают нечто реальное в области либерализации и гуманизации общества. Я же говорю о другом типе, типе идеологов. В период коммунистический я со многими властными интеллигентами был знаком и знаю, что они пытались внушить власти либеральные идеи. Таким был, например, уже упомянутый Иван Фролов, главный редактор «Вопросов философии». Он пытался делать либеральную политику. Что-то бесспорно получилось. Но все же перестройка была половинчатым решением, ибо дальше определенных установок советники идти не могли. Поневоле всем им приходилось мимикрировать под партийных функционеров. Часто они такими и становились. А вот сегодня человек идеологического пафоса, идя во власть, и не собирается продвигать либеральные идеи. Он становится в чистом виде политехнологом. А это далеко от интеллигентности. Вот здесь и проходит раскол внутри образованного общества».

Физиологический раствор свободы

Россия ходит по одному и тому же порочному кругу много десятилетий. Вопросы, обсуждавшиеся тогдашними, как сейчас сказали бы, публичными интеллектуалами в сборнике «Вехи» ровно 100 лет назад, стали актуальными в годы застоя, когда появился сборник «Из-под глыб», а затем — в перестройку, когда прогремело «Иного не дано». А то, чем были озабочены интеллигенты-семидесятники в курилках НИИ и на своих кухнях в панельных домах, становится сегодня предметом яростных споров в частных разговорах и на больших конференциях. Участвовать или не участвовать во власти? Пойдет ли Россия особым путем или

воспримет наконец европейские ценности? Государственный дирижизм или либерализм? Общинность или индивидуализм? Западничество или славянофильство? Проклятые русские развилки... Россия вечно в ловушке догоняющего развития. Россия вечно приценивается к европейским ценностям, много столетий подряд придиричиво разглядывая их на просвет и... снова откладывая. Хотя, как говорит Кантор, европейские ценности прижились в России, но в том смысле, что укоренились удобства европейской жизни. Недооценивать это обстоятельство, утверждает Кантор, не стоит: «Я помню, как в советское время, чтобы что-то ксерокопировать, нужно было, если текст был легальный, просить специальное разрешение, а если там- или самиздат, то платить деньги девочкам или мальчикам, работавшим порой в спецучреждениях (ситуация анекдотическая, но правдивая), чтобы они размножили книгу или статью. Согласитесь, что сегодня такой проблемы нет. Не говорю уж о компьютерах, перевернувших представление о возможности свободы. Эта техника создает иллюзию равенства с западными коллегами, нормального общения, когда понимаешь, что ты находишься на мировом уровне общения и открытий. Техника, как ни парадоксально, вносит в нашу жизнь тот фермент свободы, который мы искали в литературе и искусстве».

Европейские ценности, рассуждает Владимир Кантор, должны быть растворены в крови, это, по сути, физиологический раствор: «Большинство населения Запада выросло с внутренней установкой, что произвол, коррупция, покушение на частную собственность — это грех. Как говорил Чаадаев, в этом ощущении даже не правила, а просто физиология европейца. Правила, ставшие физиологией! То есть вошедшие в плоть и кровь. Вот когда это случится в России, тогда можно будет говорить о принятии этих ценностей не на словах. Но с сегодня на завтра это не произойдет».

Только вот можно ли впитать эти ценности вместе с евроремонтом, еврочисткой, евросетью, Евровидением? Европа приходит через желудок. Но всякий раз получается, по выражению русского философа Семена Франка, «Чингисхан с телеграфами». Потому что, чтобы самим стать Европой, ее нужно пропустить через голову. Чего и не произошло с большей частью россиян и российской управленческой элитой.

И, наконец, какой же русский не любит быстрой езды и — в связи с Европой — разговора о либерализме? Согласно давно установленной сверху официальной версии, либерализм умер, только с его призраком почему-то агрессивно продолжают бороться. С такой неистовой силой, как если бы он был жив... «Развязав общественные силы и экономику, либерализм породил и своих врагов, — говорит Кантор. — Враги оказались сильнее, поскольку защищаться русский либерализм не умеет, не умеет прибегать к насилию. Наша беда, что мы не пережили либеральную (или, если угодно, буржуазную) революцию, чтобы либерализм вкоренился и в сознание народа, когда идею свободы личности отстаивали бы как высшую ценность, платя за это жизнью. Так, скажем, рождалась протестантская этика в крови протестантской (лютеровской) революции, захватившей весь народ. Русский народ бунтовал, но бунт был вариантом бандитского грабежа. Поэтому русский либерализм всегда искал защиты от народа у власти. А власть, опираясь на мнение народное, которое составляет главную силу (если вспомнить Пушкинского «Бориса Годунова»), не допускала либералов до слишком большой активности. Впрочем, как-то я отвечал на вопрос: какая судьба уготована либеральным идеям в России? И ответил, что определенного ответа нет, но стоит вспомнить историю: в эпоху Ивана Грозного было сложно вообразить, что появится в России Пушкин. Есть движение истории, и если не будет катастрофы, а мы сегодня ходим по ее краю, то возможность для развития либеральных идей остается. В идеале либеральная идея (в идеале, ибо очень много зависит от ее носителей) в сопряжении с бесстрашием и установкой на этическую наполненность реформ может стать важной составляющей для сегодняшнего выхода из кризиса».

Что делать?

Может ли выйти из кризиса общество без устоявшихся ценностей? Одни считают, что это чисто технократическая задача: реализовать экономическую программу, внедрить институты — и дело готово. Но институты сами не внедряются: для того, чтобы они функционировали, нужна почва. Почва же должна быть «унавожена» ценностями, причем не материальными «рублевскими», а вполне себе духовными. Иначе — «не растет кокос». А главной валютой, главным капиталом должно быть в первую очередь доверие граждан друг к другу. Сначала — доверие, потом — деньги. Нет доверия — расцветает взаимная злость. Водители не пропускают пешеходов. Обыватели злорадствуют, когда сажают Ходорковского.

«У нас не злое общество, — возражает Кантор, — а уголовное. Система построена так, что уголовным преступником может стать каждый. А что обыватели относятся друг к другу скверно — это понятно. Нет заинтересованности друг в друге, самая разобщенная страна, утешающая себя мифом о своей общинности. В период сталинских репрессий что делали обыватели? Доносили друг на друга. Стукачей было столько, что комиссия, занимавшаяся делами невинно осужденных, не решилась публиковать списки доносчиков. В них

могла попасть едва ли не половина жителей. И это общинность? О каком капитале доверия можно говорить, если обыватель уверен, что он существует лишь из милости власти, которая в любой момент может сотворить с ним, что захочет. Пушкин как-то написал, что нравственный уровень общества в России таков, что власть может стать хуже в любой момент, противовеса в гражданском обществе нет, да нет и гражданского общества. На компромиссы без конца идет общество, а государство медленно выдавливает на обочину протестующие элементы, с которыми можно бы было и диалог вести. Грустно, когда правозащитники и, скажем, скинхеды уравниваются меж собой и по отношению к власти как маргинальные группы».

Всякая проклятая русская развилка требует ответа на проклятые русские вопросы. И главный из них: что делать? Кантор на него отвечает так: «Исправление ситуации, наверно, возможно. Если бы это был полный мрак в туннеле, то ни один разумный и порядочный человек здесь бы не остался. Но — остаются. Коралловый остров разумной жизни, коралл к кораллу, продолжает расти. Процесс образования коралловых островов крайне медлителен. Вулканические острова создаются скорее. В октябре семнадцатого вулкан заработал, но вместо острова свободы (не путать с Кубой) мы получили материк ГУЛАГ. Так что путь «малых дел» по-прежнему представляется для России наиболее надежной программой».

* * *

Колесников Андрей Владимирович (р. 1965) — руководитель Центра политической философии, колумнист газеты «Ведомости» и Gazeta.Ru. Окончил юридический факультет МГУ. Работал в журналах «Огонек» и «Новое время», газете «Известия». Лауреат премии «Золотое перо России» и премии Федерального агентства по печати за лучшую книгу журналиста (2007). Автор четырех книг политической публицистики.

Кантор Владимир Карлович (р. 1945) — доктор философских наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, член Экспертного совета Центра политической философии (ЦПФ). Лауреат премии Генриха Белля. По версии французского журнала Le Nouvel Observateur входит в список 25 крупнейших мыслителей современного мира.

Автор: Андрей Колесников © Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3766 03.03.2009, 16:46

URL: <https://babr24.com/?ADE=51301> Bytes: 16561 / 16512 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Андрей
Колесников.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/@kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)